
ТАША МИСНИК
ПОД СЛЁЗАМИ БОСТОНА
дьявол не спит
18+
БОЛЕЕ МИЛЛИОНА ПРОЧТЕНИЙ В СЕТИ

Под слезами Бостона. Бестселлеры Таши Мисник

Таша Мисник

Под слезами Бостона. Дьявол не спит

«Эксмо»
2026

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мисник Т.

Под слезами Бостона. Дьявол не спит / Т. Мисник — «Эксмо», 2026 — (Под слезами Бостона. Бестселлеры Таши Мисник)

ISBN 978-5-04-207164-5

Серена вечно в бегах: от призраков прошлого, от близости, от самой себя. Никто не знает ее тайну, и вряд ли Серена решится доверить ее хоть кому-то. Эзра потерял то, что ему было дороже всего, и запер свое сердце на замок. Он больше не чувствует боли. В его мире нет места слабости. Однажды жизнь сталкивает этих двоих. Они похожи больше, чем кажется, и оттого возненавидели друг друга с первой секунды знакомства. Станет ли эта встреча спасением или же ознаменует начало конца?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-207164-5

© Мисник Т., 2026
© Эксмо, 2026

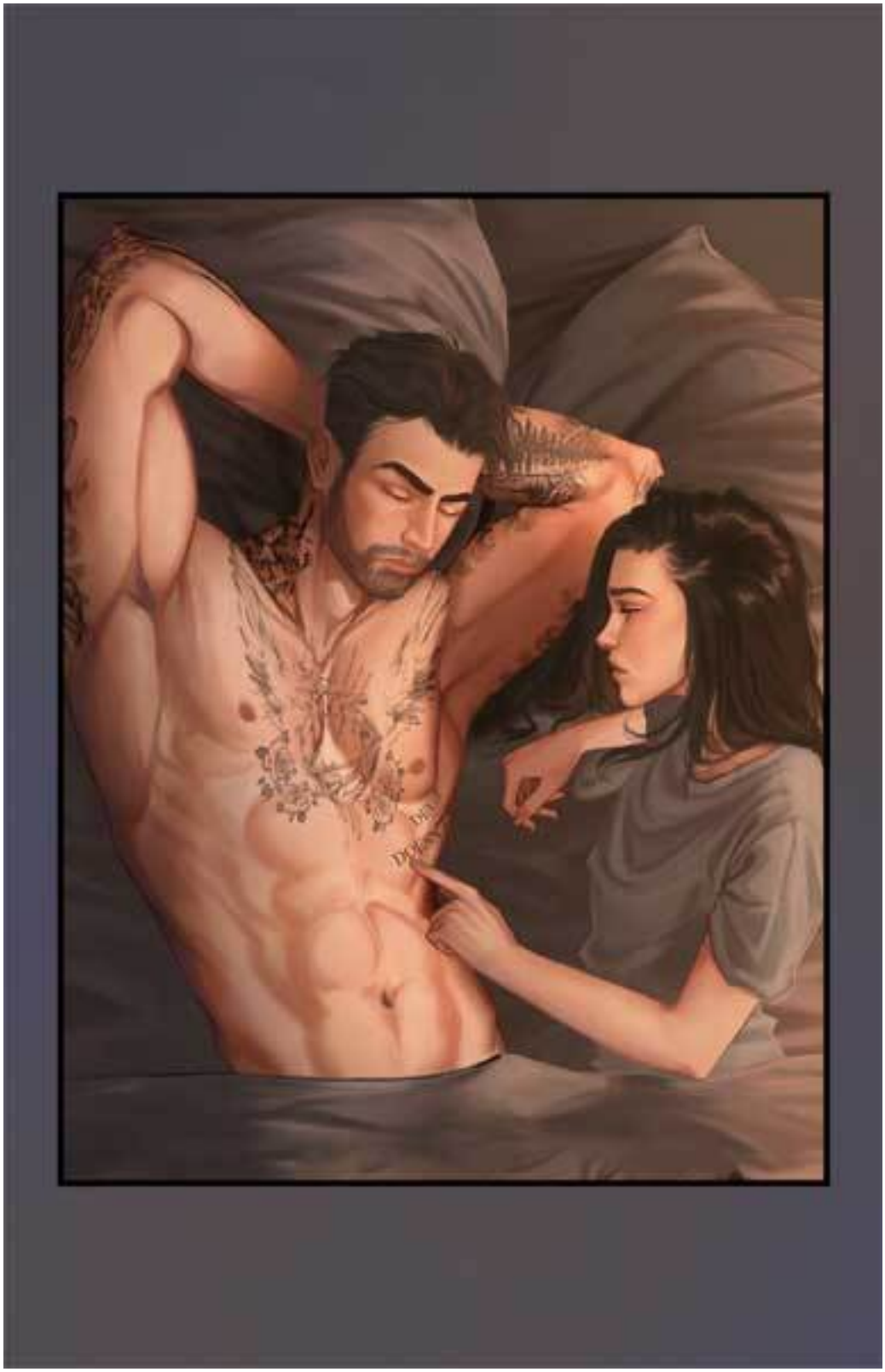
Содержание

Пролог. Таяло мое сердце 9
Глава 1. Счастливого чертового дня рождения 10
Глава 2. Город десятилетней стужи 16
Глава 3. Здравствуй, Сатана 22
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Таша Мисник
Под слезами Бостона. Дьявол не спит

© Мисник Т., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

ПРИШЛА СЮДА, ЧТОБЫ ЗАЛЕЧИТЬ МНЕ РАНЫ?
Я ПРОСТО... ХОЧУ ПОМОЧЬ.
ПОМОЧЬ?
ДА, Я ХОЧУ ПОМОЧЬ.
ПОМОЧЬ МНЕ? МНЕ?!
МНЕ НЕ НУЖНА ТВОЯ ПОМОЩЬ! МЕНЯ НЕ НУЖНО СПАСАТЬ! МНЕ НЕ НУЖНО ТВОЕ СПАСЕНИЕ. СЕРЕН! Я ПРОКЛЯТ. И ТЕБЕ НЕЧЕГО ДЕЛАТЬ РЯДОМ СО МНОЙ!
УХОДИ! БЕГИ ОТСЮДА, ПОКА НЕ ПОЗДНО.
ДА Я ТАКАЯ ЖЕ! Я ТОЖЕ ПРОКЛЯТА! МОЖЕТ, ХОЧЕШЬ УСТРОИТЬ СОРЕВНОВАНИЕ?!
ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ, О ЧЕМ ГОВОРИШЬ! ТЫ НЕ ЗНАЕШЬ МЕНЯ!
КАК И ТЫ МЕНЯ. НО Я ВСЕ РАВНО ЗДЕСЬ. КАК БЫЛ И ТЫ ВЧЕРА НА ПОРОГЕ ДОМА ЮДЖИНА. И Я, ТАК ЖЕ, КАК И ТЫ, ОТСЮДА НЕ УЙДУ.

Пролог. Таяло мое сердце

Помню, как невыносимо жгли слезы именно в тот день. Как не хватало рук, чтобы их вытереть. Как горечь топила в себе сердце, которое совсем недавно только сделало первый вдох. Как казалось, что все, во что я до этого верила, обернулось ложью.

И ведь действительно было так.

Я терла и терла лицо, не различая, избавляясь от слез или дождя, измучившего тогда Бостон.

Да, погода в ту зиму выдалась скверная, но я все равно поперлась в порт, чтобы успокоить нервы проверенным способом. Только вот в тот раз он впервые не сработал. Я лишь испортила гитару, продержав ее под мерзкими осадками почти всю ночь.

– Кто я такая? – ревела я под глухой аккорд, перебирая струны обледеневшими пальцами.

Нет, гитара не окоченела, в отличие от меня. Вышла из строя. Разбилась, если быть честной. Сиганула прямо в залив Массачусетс и затонула. Как в тот день тонула и я. Уровень за уровнем. В слезах. Отчаянии. И боли. Безмерной боли, которой, я думала, никогда не прочувствую на себе.

И я задрала голову к небу – хотела наглотаться холодных капель, залить ими доверху горло, захлебнуться и умереть. Ну или хотя бы подхватить грипп, который свалил бы меня с ног высокой температурой и довел бы до беспамятства на ближайшие несколько дней.

Но в ту туманную ночь, в том безлюдном порту, на том самом дряхлом диване, когда на мою и его щеку упала первая пара снежинок, моя жизнь неожиданно начала новый отсчет.

Именно в тот момент, в крепких объятиях, которые обрушились на меня так же неожиданно, как и мороз на промокший город, под слезами Бостона окончательно растаяло мое сердце.

Посвящается каждому обледеневшему сердцу.
Которое обязательно забьется.

Глава 1. Счастливого чертового дня рождения

Серена

Раз, два, три, четыре, пять. Раз, два, три, четыре, пять.

Глаза зажмурены. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Это не сложно, Серена. Это всего лишь просьба. Так делают все. А ты часть команды. Просто подойди и спроси.

Туже затягиваю хвост на затылке и плавно поднимаю веки. Снова вижу яркий свет и вечно недовольное лицо Астрид перед глазами.

– Какого черта, Аленкастри! – как обычно, орет она. – Уже спишь стоя? Это всего лишь твоя четвертая смена за неделю!

– Всего лишь? – *Упс, неверный заход*.

– Здесь люди вкалывают днями! А ты еще и возмущаешься! Неблагодарная девчонка! – Кажется, от тряски ее головы из прилизанного строгого пучка вывалилась пара рыжих прядей.

– Я… Нет… Нет, что вы. Я просто хотела…

– А я хотела, чтобы ты сгребла свои ноги в руки и вовремя обслужила пятый столик!

– Астрид, я хотела…

– Ты оглохла?! Мало того, что ты передвигаешься как одноногий пират, так еще теперь и плохо слышишь? Зачем я вообще тебя здесь держу?! Деревенщину необразованную. В ресторане высшего класса! Ты вообще видела, кто сидит за пятым столиком? Видела, кто ожидает принятия своего заказа? А? Или ты еще и ослепла в придачу ко всему?! Штраф, Аленкастри! Я больше не намерена это терпеть.

– И я тоже больше не намерена это терпеть, – выдыхаю ей в спину.

– Что?! – Копна рыжих волос пролетает над моим лбом, и если бы Астрид не носила шпильки под четыре с половиной дюйма, то ее пучок отхлестал бы меня по носу. – Я что-то услышала или кто-то просто испортил воздух?

– О да, воздух здесь испорчен с тех пор, как ты тут появилась. Мегера. Слышала, что «Шанель № 5» уже давно не в моде? Или тебе их передарила бабка?

– Аленкастри! – Раздуваются ее ноздри, и рыжая челка подлетает кверху. – Ты уволена!

– Нет, Астрид, Серена Аленкастри увольняется сама из этого сущего ада. И засунь свой пятый столик в свою пятую точку!

Срываю с шеи черный галстук, положенный каждому официанту в этом ресторане, и сую его Астрид в нагрудный карман отутюженного пиджака.

– Удачи в унижении, – с гордостью заявляю ей в лицо. – И улыбайся шире.

– Аленкастри! Сегодня же пятница! Ты куда?!

– А мне плевать. У меня сегодня праздник. С днем рождения меня.

Заканчиваю с последней пуговицей тугого жакета и перед тем, как хлопнуть дверью кухни, бросаю его на пол.

Удаляюсь с такой скоростью, что не успеваю даже разглядеть лиц персонала, наблюдающего эту картину. Не понаслышке знаю, что каждый второй из них хотел бы проехаться по отшлифованному массажами лицу Астрид кулаками с первого дня трудоустройства. Ну или луком-пореем – рукоприкладство мы все осуждаем.

Уверена, что сейчас там в мой адрес летит не один десяток восхвалений. И надеюсь, что Юджин все-таки успел запечатлеть ее физиономию на телефон. Распечатаю и повешу в спальне у кровати – поможет просыпаться по утрам в приподнятом настроении.

Первые десять минут я действительно «лечу» по Вашингтон-стрит и улыбаюсь прохожим, каждый из которых наверняка считает меня ненормальной наркоманкой. Ведь только так можно объяснить мое лучезарное лицо среди туч других серых лиц. Таких же, как тучи над Бостоном.

В порыве накатившей радости и смелости решаюсь набрать маме. Давненько этого не случалось. Да и не хотелось, но сегодня особенный день. Мой день.

– Алло, мам? – Уворачиваюсь от очередного порыва ветра и крепче цепляюсь руками за искусственную шерсть своей белой шубы. Подобие козы. Или ламы. Или, скорее всего, альпака. Да какая, собственно, разница, раз мне тепло.

– Серена? – Серьезный тон по ту сторону намекает, что она, конечно же, не помнит о моем дне рождения.

– Мам, как ты? Как твои дела?

– Как всегда. Бывало и лучше, – откашливается она. – Что надо?

– Просто хотела услышать тебя, – пытаюсь не позволить ее холодному голосу испортить мой позитивный настрой.

– Услышала? Лучше б домой приехала и помогла убраться.

– А что Бриан? – тут же ляпаю себя рукой по губам. Зря вырвалось.

– Да как ты смеешь?! – моментально оживляется она, и я чувствую, как через смартфон брызжет желчью. Так происходит всегда, когда я цепляю Бриана. Но я никогда не научусь вовремя затыкаться. – У Бриана важная работа! Ты разве не знаешь? Ему некогда отвлекаться на такие мелочи. А вот ты! Ты же дочь!

– Дочь, про день рождения которой ты снова забыла! – не выдерживаю и выкрикиваю на всю улицу. Благо, мой голос перекрывает новый порыв ветра. – Ты даже не поздравила меня. Опять, – обида проседает в горле на последнем слове и давит его. Давит. Заставляя затухнуть на конце.

– А с чем я должна тебя поздравлять? – невозмутимо отвечает она, и я понимаю, что в очередной раз зря затеяла эту разборку.

Это все накатившая эйфория заставила меня подумать, что в этот раз все будет иначе. Раз я смогла там, значит, и здесь, скорее всего, получится не так, как всегда. Не так холодно.

Не так безнадежно. Не так больно. «Может, достучусь сегодня» – новая ошибка, за которую я уже расплачиваюсь слезами, подкатившими к глазам.

– С тем, что ты появилась на этой планете благодаря мне? – продолжает она, повышая децибелы прокуренного голоса. – Поздравить тебя с тем, что я ночами не спала из-за тебя? Что пренебрегла карьерой ради тебя, девочка? С этим я должна тебя поздравить?

Я просто молчу, замерев возле первой попавшейся витрины. Я даже не вижу пестрящих на вывеске букв: их размыли скопившиеся в глазах слезы.

– Молчишь? – суровый голос вибрирует синхронно с моей дрожащей губой. – Вот и правильно. Думай, прежде чем говорить глупости.

Она кладет трубку, а я врезаюсь лбом в отскочившую дверь бара. Первые спрыгнувшие с неба капли дождя не дают прохожим разглядеть мои просочившиеся слезы.

А на что я надеялась?

Всегда ведь было так. Всегда ведь в ее сердце было холоднее, чем в лютый мороз на Аляске. Так почему я рассчитывала на глобальное потепление?

– Черт! – Второй удар распахнувшейся двери приходится в мою голову, и я решаюсь наконец отступить. – Еще и гребаный дождь! Класс! Просто класс!

– Мисс, вы заходите? – От третьего удара двери меня спасает какой-то бостонский джентльмен.

– Да, мать вашу, захожу, – я взмахиваю смоляными волосами, собранными в длинный хвост, и проскальзываю внутрь.

Оглядываю помещение, в которое зачем-то забрела, и понимаю, что выпить – сейчас самое правильное решение. Причин как минимум три: увольнение, мать и гребаный праздник в честь рождения меня.

Пятница, и поэтому неудивительно, что бар забит под завязку. Бар, которого я раньше никогда не видела. Видимо, я неосознанно свернула куда-то с Вашингтон-стрит.

Здесь все как-то мрачно, тускло и слишком коричнево. И деревянно, как по мне. Дерево на дереве. Деревянные стены, столы, стулья, стойки и даже, мать его, потолки. Как будто оказалась на какой-то ферме в день ярмарки. У владельца явно нет вкуса. Или он из Техаса. Ставлю полтинник.

Что ж. Волей случая и растерянности души я оказалась в пабе для ковбоев. Прекрасно. Впрочем, какая разница, где пить.

Задача номер один: протолкнуться к барной стойке.

Задача номер два: каким-то чудом избавиться от шубы, которую я ношу уже третий год. И которая третий год не подходит к дождливым зимам Бостона. Но на новую у меня нет средств.

Задача номер три: забраться в этой бесящей юбке-карандаш – части формы уже (слава богам) бывшей официантки – на высоченный барный стул. И…

Задача номер четыре: надраться в свой, мать его, двадцать второй день рождения.

По ощущениям уже тридцать второй.

Щемлюсь сквозь толпу и пытаюсь попутно стянуть с себя драного альпака белого цвета. Высунуть левую руку из рукава удается, когда какой-то мужлан толкает меня в бок, и я валюсь за барную стойку, но меня успевает придержать чья-то рука.

– Осторожнее, малышка, – улыбается стройная шатенка в топе, выше меня как минимум на две головы. И она даже не на каблуках. – По объявлению?

– Что? – отряхиваюсь я и приглаживаю свою юбку.

– Становись за стойку! – кричит она, когда несколько десятков мужских голов за барной стойкой начинают скандировать: «Давай! Давай! Давай!»

– Какую стойку? – я теряюсь, сжимая бедного дохлого альпака в руках.

– Быстрее! Видишь, что творится?! У меня не хватает рук! – красотка в топе с идеальной подтянутой фигурой пытается перекричать рев мужчин и попутно тянется за текилой. – Ну-у-у! Кто из вас, красавчиков, самый смелый?!

– Мне! Давай мне! – Ор желающих сливается в единое месиво, а я стою и мну пальцами все ту же шубу.

Длинноногая шатенка в топе ловко хватает за шиворот самого громкого активиста, укладывает его на спину, перегибает через стойку и льет ему в горло текилу под свист остальных самцов.

– Хорош с тебя, красавчик. – Она резко возвращает его в вертикальное положение, и тот, немного пошатываясь на ногах, кладет на барную стойку две сотни.

Две сотни?! За глоток текилы?

– Чего встала? – шатенка обращается ко мне, закупоривая бутылку Olmeca. – Бросай свою шубу вон туда, – указывает на полку под барной стойкой. – И давай уже помогай. Я зашиваюсь, как видишь.

– Но я…

– Малышка, прости, позже познакомимся. Вообще не до тебя.

– Но я не умею… – Все-таки засовываю альпака в тумбу.

– Просто дай им то, чего они просят. И расстегни пару пуговиц на блузке.

Она не дожидается моего ответа (она бы и не дождалась), подходит вплотную и выправляет мою белую блузку из юбки. Я невольно дергаюсь, этим не позволяя ей задрать рубашку вверх.

– Нет. Так не нужно, – я приглаживаю обратно края блузки ладонями, на что красотка хмыкает, но не настаивает и оставляет все как есть.

– Тогда хотя бы пуговицы. – Она осматривает мою грудь и резко высвобождает пару верхних пуговиц из петель.

– Прекрасно. – Хлопает меня по бедру. – Отлично выглядишь. А теперь иди вон к тому мужику. И сиськи вперед – чаевые обеспечены.

Вот это манеры… А я ведь даже не знаю ее имя.

– Ты, блин, серьезно? – Все, что я могу – это взмахивать ресницами.

– Абсолютно, малышка. И в следующий раз сделай макияж поярче.

Называется, пришла выпить. Что за черт?

В диком стрессе, дерганьях, поправлениях вечно задирающейся блузки и без капли алкоголя во рту я кое-как «дорабатываю» до трех утра, утоляя жажду клиентов. Спасибо моему опыту в обслуживании выездных мероприятий и скудным навыкам в смешивании виски с колой. Я даже не заметила, как влилась в процесс. Как не заметила и завершения своего дня рождения. Оно и к лучшему.

К четырем люди рассасываются. Музыка утихает и меняется на легкий эмбиент, что теперь абсолютно не вписывается в стилистику бара. Но я приятно удивлена. У меня даже получается слегка расслабиться и выдохнуть. Край левого глаза уже подыскивает бутылку, с которой я смогу слить себе хотя бы стопку за свое здоровье. Но хриплый голос мужчины возвращает меня в реальность.

– Повторить, – кряхтит он, уткнувшись локтями в барную стойку и подперев руками голову. Темная челка, наверняка ранее зачесанная кверху, достает до носа, и он даже не пытается ее поправить.

Первое, на что я обращаю внимание – его кисти и пальцы, расписанные множеством черных символов, которые уходят под манжеты серого пуловера. Он не поднимает головы, лишь стучит пальцами по барной стойке и отшвыривает мне рокс[1].

[1] Рокс – низкий и широкий стакан с толстым днищем, в который обычно наливают виски со льдом.

– Виски? – уточняю я.

– Ты не запомнила мой заказ? – Мужчина все так же не поднимает головы, но вздымает брови. Видимо, возмущенно. Или удивленно. Не разобрать.

– Вас здесь миллион, а я одна. Сложно напомнить? – Забираю его рокс, но он перехватывает мою руку и наконец поднимает на меня глаза. Черные, как узоры на его руках. Пустые, как этот самый стакан. И абсолютно пьяные.

– Dalmore. Еще пятьдесят. А потом еще пятьдесят. – Глаза черны настолько, что в них отблескивает приглушенный свет ламп. И горечь. Цвета забытого на кухне чая. Я знаю, потому что такой «чай» ежедневно настаивается и в моей душе.

Он выпускает мое запястье и почесывает аккуратную бороду, затем растирает ладонями лицо, тяжело вздыхает и снова подпирает лоб руками, уткнувшись взглядом в барную стойку.

– Пожалуй, тебе уже хватит. – Мои тараканы сегодня не отпраздновали день рождения, так отпразднуют день храбрости.

– Что? – Он снова совершает над собой явное усилие и смотрит на меня. – Ты сделала слишком много ошибок во фразе «секунду, сэр».

– Нет. Тебе уже действительно хватит. – В подтверждение своих слов я складываю руки на груди, демонстрируя полную уверенность.

– Кто. Ты. На хрен. Такая? – отчеканивает он каждую букву, стискивая зубы. – Я сказал «еще» – значит, ты льешь еще. И не задаешь лишних вопросов. – Взгляд цвета бездны сверлит меня из-под массивных бровей, но сегодня он точно не на ту напал.

– Я. На хрен. Та, кто вышвырнет тебя отсюда, если ты не начнешь себя нормально вести. Понял? – Я утыкаюсь в него таким же злобным взглядом, не двигаясь с места, и замечаю, как под щетиной вырисовываются острые скулы.

– Стенли, мать твою! Стенли! Сюда иди! – орет бородатый алкоголик. И на его зов прибегает та самая красотка шатенка, которая заставила меня вкалывать в свой день рождения. Хотя я не особо и сопротивлялась.

– Опять надрался, Эзра? – Девушка по имени Стенли накрывает его щеки ладонями и приподнимает лицо.

– Кто это такая? – Мужик тычет в меня пальцем слабой руки.

– Новенькая. Ты уволил Кэт, помнишь? Одна я не справляюсь.

– Я уволил Кэт? – Пьянь по имени Эзра сбрасывает с себя руки Стенли и пытается распрямиться на стуле.

Из-под глубокого выреза пуловера выглядывает часть еще одной татуировки, которая от груди разрастается к шее, но я не успеваю разглядеть рисунок.

– Ты уволил Кэт, – усмехается Стенли.

– Я уволил Кэт.

– Еще раз тебе повторить или записать? – Красотка Стенли трет барную стойку и не перестает улыбаться.

– Да плевать. – Эзра снова почесывает бороду и вытирает губы тыльной стороной ладони. – А *эта* что здесь делает?

– Малышка, как тебя зовут? – обращается ко мне Стенли.

– Серена, – хмыкаю я, не сводя глаз с остервеневшего козла.

– Я взяла Серену в штат.

– Хрена с два, – шипит Эзра. – Пусть валит на хрен отсюда. Не хватало мне здесь малолеток. Ты посмотри на нее, – переводит на меня взгляд и обдает им с макушки до талии. – Без косметики. Наивные глаза. Конский длинный хвост. Прямые волосы, не тронутые парикмахером. И сиськи второго размера, – каждое слово будто раздевает, и мне хочется прикрыться руками, но я стою молча, раскрыв рот от возмущения. – Тебе хоть двадцать один есть?

– Мне двадцать два! – выкрикиваю я, хмуря брови. – Вчера исполнилось! И какое это имеет значение? Я сегодня справилась!

– Она справилась, Эзра, – поддерживает Стенли.

– Плевать я хотел. Она не умеет общаться с клиентами. Поэтому ты, – он вяло машет рукой в сторону Стенли, – налей мне выпить. А ты, – переводит руку на меня, тыча указательным пальцем почти в лицо, – собрала свои манатки и укатила за дверь. Чтобы я больше тебя здесь не видел.

Гнев перехватывает горло где-то на середине. Я задыхаюсь, но не могу произнести ни слова. Они застряли внутри вместе с недолитыми слезами, вместе с упреками мамы, отчаянием и обидой. Они засели и не выходят, а я могу лишь стоять и втягивать в себя воздух, хлопая ресницами по взмокшим глазам.

Паралич отпускает раньше, чем придурок Эзра успевает послать меня ко всем чертям еще раз. Я хватаю белую шубу, набрасываю ее на плечи и спешу к выходу из очередного ада, в который забрела. Я ведь всегда забредаю именно туда. Куда бы ни шла. Куда бы ни стремилась. Везде гребаное пекло.

– Счастливого пути, Панда. И с днем рождения, – бросает он, прежде чем я успеваю выскочить под лютый декабрьский дождь.

Тучи над Бостоном кроют рассвет. И казалось, этот отвратительный день не могло больше омрачить никакое другое событие.

Казалось. До того, как я разблокировала телефон.

Вижу на дисплее текст входящего сообщения и с ужасом содрогаюсь, роняя смартфон на мокрый асфальт.

С днем рождения, маленькая принцесса Серена. Мечтаю обнять тебя и прошептать пожелания на ушко, как делал это раньше. Скоро увидимся. Целую. Бриан.

Глава 2. Город десятилетней стужи

Эзра

Жду свой виски, кажется, гребаную вечность. Стенли снова испытывает мои нервы на прочность. Как будто не хватило этой малолетки в идиотской шубе из белого альпака, в которой она выглядит как панда, в контрасте с черными волосами.

И как только ее сюда занесло? И откуда в этом тощем тельце столько дерзости?

– Я не понесу тебя домой. – Стенли ударяет дном стакана по барной стойке, чем выводит меня из раздумий. – И даже не посажу в такси. Имей в виду. – Виски «успокаивается» в роксе, чего нельзя сказать о ее взгляде.

– Как будто я тебя об этом просил. – Я сжимаю в руке стакан и делаю жадный и точно лишний глоток. Мне уже хватит. Но разве я признаю правоту какой-то наглой девки? Идет она к черту.

– Ты опять надрался.

– А ты опять дерзишь боссу. Полетишь следом за этой… пандой. – Очередной глоток осушает рокс до дна. – Еще. – Я подталкиваю стакан к рукам Стенли.

– Эзра… Может, хватит?

– Ходишь по краю.

– Уволишь меня – потеряешь всех постоянных клиентов. Ты сам прекрасно это знаешь. Да и кто еще будет мириться с боссом-алкоголиком?

– Кто здесь алкоголик? – Я развожу руки в стороны, выпрямляясь на стуле, но, черт, меня уносит вправо, и приходится ухватиться за край стойки.

– Красавчик напротив меня.

– Заигрываешь с боссом? Сделаю выговор.

– Да кому ты нужен, – хмыкает Стенли и подливает мне виски.

– Ты бы охренела, если бы узнала о степени моей востребованности. – Я вытаскиваю из кармана вибрирующий телефон. – Кстати, об этом. – Трясу перед лицом Стенли экраном, на котором мигает имя «Рэйчел». – Да, слушаю.

– Я жду тебя вообще-то. Ты собираешься сегодня приехать? Уже утро, – недовольно лепечет из динамика Рэйчел.

– Приеду. Стягивай трусики и раздвигай ноги шире.

– Эзра!

– Хотя трусики можешь оставить. Разберусь с ними сам. – Я поглядываю на Стенли, которая демонстративно закатывает глаза, и отключаю вызов.

– Поверить не могу, что такие девушки существуют, – бубнит она.

– Существуют и не такие. Поверь мне.

– И вот зачем ты ей нужен в такое время и в таком состоянии?

– Просто она знает, на что я способен даже в таком состоянии. – Я специально играю бровями, в то время как Стен всем видом пытается изобразить приступ рвоты.

– Фу. Она дура. Всегда это говорила и никогда не отрекусь от своих слов.

– Она дура. Факт. И отлично сосет. Это все, что мне сегодня нужно. – Я потягиваю терпкий виски.

– Ты отвратителен. Знаешь?

– Знаю. И не собираюсь меняться.

– Вот серьезно, Эзра. И ее это устраивает? – Стенли прекращает тереть в руках стенки стакана и перебрасывает полотенце через плечо.

– У нее нет вариантов. Либо она принимает меня таким, какой я есть, и трахается со мной, либо идет искать другой причиндал, на котором можно поскакать.

– Я уже говорила, что ты отвратителен?

– Каждый день, – я усмехаюсь, разбавляя слова алкоголем.

– А ты сам не хотел бы притормозить? Морочишь голову девушке, изменяешь ей, ни во что ее не ставишь…

– Стоп-стоп-стоп, дорогая моя. – Я даже приземляю стакан обратно на барную стойку. – Я не изменяю. И не лгу. Потому что мы с Рэйчел не в отношениях. Мы трахаемся. Когда удобно мне. И если бы ее что-то не устраивало – она бы не терпела. Я ей ничего не обещал. И хватит здесь твоей дамской солидарности. Я вовсе не монстр. Я не держу ее. Это все он, – указываю на своего младшего Эзру в штанах.

– Выпендрежник, – усмехается Стенли и легко ударяет меня по лицу полотенцем.

– Не завидуй.

– Да чему мне завидовать?

– Хотя бы тому, что тебя уже давно хорошенько не отжаривали.

– Иди к черту, Эзра. – Она резко ставит второй стакан на стойку и плескает в него виски.

– Прости, подруга. Я не хотел.

Алкоголь преломил грань дозволенного. Знаю, что разрыв с Крисом до сих пор не забыт. Раны Стенли еще не залечены даже текилой, которую она втихаря тягает после смены. Этот рыжий недомерок разбил ей сердце, которое до него не смог поцарапать ни один самоуверенный плейбой. К слову, этот тип мне никогда не нравился.

– Стен, прошло два месяца. – Кажется, я устроился семейным психологом. Или это все виски.

– А у тебя прошло десять лет. Но ты до сих пор напиваешься, как черт.

Жмет где-то в груди. Непроизвольно, но жмет так, что я стискиваю гребаный рокс до хруста стекла под пальцами. Один-один. Ударил по больному я – бьет и она. Заслуженно, мать твою. Но чертовски больно. И я осушаю свой стакан до дна без очереди.

– Прости, я тоже не хотела. И не должна была, – шепчет Стенли, не глядя мне в глаза.

– Все нормально.

– И кстати, – она быстро переводит тему, чтобы отвлечь меня. – Ты зря это насчет Серены.

– Кого?

– Серены. Ну, девушка, которую ты прогнал.

– А… Дерзкая девочка-панда, – я усмехаюсь, вспоминая ее сумасшедший прикид.

– Она сегодня отлично поработала. У нее есть опыт. И она нравится людям.

– Но не нравится мне.

– Тебе никто не нравится. А мне приходится вкалывать за двоих.

– Учту. И увеличу тебе зарплату. Пользуйся, пока я добрый и пьяный.

– Эзра, я не робот. И мне нужен человек, как Кэт, которую ты…

– Уволил, – перебиваю.

– Запомнил наконец-то. – Стенли отпивает из своего стакана. – Чем тебя не устроила Серена?

– Мне хватает одной стервы в баре, – подмигиваю Стен. – Двух не выдержит моя нервная система.

– Какие мы нежные. – Стенли наиграно надувает губы и строит милую гримасу. – Эзра. Верни мне ее. Я настаиваю.

– Только потому, что она тебе понравилась? Пф… Слабый аргумент.

– Мне и людям, – уточняет Стен. – Она правда справляется, Эзра. И не боится налета ошалевших мужиков. Я сегодня буквально силой затащила ее за стойку! Любая другая бы оторопела. А эта, с виду серая мышка, оказалась ни разу не мышкой.

– Уж точно не мышкой. – Я вспоминаю резкий тон нахальной брюнетки, ее черные сдвинутые брови, искривление которых утяжеляло и без того озлобленный взгляд темно-синих глаз. Вспоминаю и снова завожусь: – Идет она на хрен.

– Эзра. Пожалуйста.

– Нет. Даже если ты предложишь мне себя.

– Не дождешься, – хмыкает Стен и закатывает глаза. – Я не сплю с алкоголиками и придурками.

– Насчет последнего я бы поспорил.

– И как я только тебя терплю? – Она пытается нахмуриться, но я все равно замечаю слабую улыбку на ее симпатичном лице. Крис – последний идиот, раз отказался от нее.

– Сам удивляюсь. Ладно, мне пора. – Я сползаю со стула и вытираю губы тыльной стороной ладони. – Нужно остудить промежность Рэйчел, раз уж ты снова меня отшила, – издаю театральный вздох огорчения. – И напомни мне завтра уволить тебя за несоблюдение субординации.

– Несомненно, – Стенли бросает мне вслед. – Не нарушаем традиций.

– Само собой.

– Надеюсь, у тебя не встанет.

– Я начну готовить *его* в такси, – указываю взглядом на область ширинки и набрасываю на плечи кожаную куртку. – Приятно, что ты переживаешь.

В спину летит очередной смешок Стенли и звук захлопнувшейся двери бара. Постепенно просыпающийся Бостон встречает меня зимним ливнем. Больше, чем себя, я ненавижу этот город, хоть и являюсь полным его олицетворением. Холодный, черствый и безразличный. А когда грянет мороз – и обледеневший. Как и в нем, во мне нет места чувствам. И если бы у меня не было родного брата, им бы стал старик-Бостон. Этот Бостон, каким он является сейчас. Ведь десять лет назад он бушевал для меня самыми яркими красками. Десять лет назад он жил. Ведь тогда еще был жив и я.

Такси, в котором я едва не засыпаю, довозит меня до восточной части города к дому той самой Рэйчел, фамилии которой я даже не знаю. А, наверное, должен был, раз трахаю ее уже около полугода. Хотя… Мне абсолютно плевать.

Ступаю из машины в лужу и уже жалею о том, что вообще приехал сюда. Я снова перебрал и едва стою на ногах. Пока ехал несколько кварталов, перехотел даже видеть ее смазливую мордашку. Волоку свое тело по лестнице и представляю, с каким выражением лица она, как обычно, откроет дверь: улыбка растянет алые губы, припухшие от нескольких инъекций, отчего подправленный хирургом нос слегка вздернется, голубые глаза засияют от счастья, а объемные ресницы заморгают слишком часто. Она будет рада видеть меня даже в таком омерзительном состоянии, а я буду думать лишь о том, как бы быстрее красный контур ее губ сомкнулся на моем члене.

– Эзра! – Рэйчел открывает дверь с первого звонка, как будто сидела у нее, как собака. – Я так ждала тебя.

– Не спала, что ли? – Я переступаю порог и, не разуваясь, прохожу в квартиру.

Грязь с мокрой улицы отпечатывается на светло-коричневом полу, а затем и на кремовом ворсистом ковре, но Рэйчел, как обычно, не говорит ни слова.

– Нет. – Она плетется за мной, поправляя белокурые кудри, и делает вид, что не замечает моей наглости. Она привыкла. – Говорю же, что ждала тебя.

– А я говорил ждать, раздвинув ноги шире. – Я падаю на кожаный диван и облегченно выдыхаю от усталости, разбросив руки по спинке.

– Ты такой нетерпеливый, – смеется она, прищуривая голубые глаза. – Думал обо мне сегодня?

– Ага, – я даже не пытаюсь насытить голос энтузиазмом. – Так… Ждала меня, говоришь? – Я устраиваюсь поудобнее на диване и прикладываю руки к пряжке ремня.

– Да.

– Скучала? – Молния на джинсах ползет вниз, и Рэйчел медленно подходит ближе.

– Очень.

– Покажи, как сильно ты скучала.

Одного моего взгляда достаточно, чтобы она встала на колени. Рэйчел улыбается и поглядывает на меня исподлобья, высвобождая член из боксеров.

– Что ты хочешь, чтобы я сделала? – шепчет она и пробегается пальчиками по головке прежде, чем коснуться ее языком.

Я не отвечаю. Хватаю ее за волосы и наматываю выбеленные пряди на кулак, насаживая ее глубже. Из моих уст вырывается стон. Это то, что сегодня поможет мне расслабиться. То, что прервет гнев. Утолит ненависть к себе. Ко всем. К малолетке в идиотской шубе, осмелившейся мне дерзить. Рэйчел сделает все так, как мне нравится. Так, как хочу я. И проглотит все мое недовольство.

– Тебе нравится? – Язык Рэйчел скользит от основания до кончика члена.

– Нравится. – Я хватаю ее за плечи и поднимаю с колен. – А теперь иди сюда.

Разворачиваю Рэйчел задом и толкаю на диван. Она упирается локтями в кожаную спинку и томно стонет еще до того, как я вхожу в нее.

Она принимает мой грубый толчок и вскрикивает. Я накрываю ее рот ладонью, только чтобы не слышать голос. Потому что в голове звучит совсем другой.

«Тебе уже хватит. Тебе действительно хватит. Я. На хрен. Та, кто вышвырнет тебя отсюда», – пульсирует и отдается в мозгу каждое слово дерзкой Панды ее слишком грубым для девушки голосом.

Она вывела меня из себя. Она вызвала во мне гнев. Она спровоцировала на эмоции. А отвечать за это придется Рэйчел.

Я сжимаю ее щеки пальцами и резче двигаюсь в ней. Она кричит подо мной от каждого рывка. Выгибается, пристраиваясь задницей к паху, и каждым движением просит большего. Она это получит.

Прогибаю ее спину и вхожу до основания. Рэйчел мычит в мою ладонь, скользя локтями по поверхности дивана. Она уже дрожит и сжимается вокруг меня, но я сегодня точно не «финиширую», даже если она отсосет мне еще раз.

Гребаная Панда.

Ноги Рэйчел трясутся, она стонет от удовольствия, но ее оргазм не провоцирует мой. Думаю, ей плевать. Она кончила и спокойно сегодня уснет. В общем-то, мне тоже все равно.

– Сделай мне кофе, – произношу я, выходя из нее.

– Не останешься? – сбито дышит Рэйчел.

– А я когда-то оставался?

– Я просто подумала… Ведь утро… Тебе никуда не нужно.

– Мне нужен кофе. – Я натягиваю джинсы, не обращая внимания на раскинувшуюся на диване Рэйчел, которая все еще подрагивает и жадно хватает воздух ртом.

Она выполняет мою просьбу, едва успев вскочить обратно в трусики, и приносит мелкую чашку прямо в ванную, где я умываю лицо.

– Твой кофе. – Рэйчел подступает ко мне и проводит свободной ладонью по моему плечу, замирая прямо за спиной. Вижу ее улыбку в отражении зеркала и еще раз споласкиваю лицо.

– Какая у тебя фамилия, Рэйчел? – Я сталкиваюсь с ней взглядом сквозь капли воды на зеркале.

– Берч. Неужели тебе хоть что-то стало интересно. – Она льнет грудью к моей спине.

– Не обольщайся. – Я прерываю тактильный контакт и тянусь за полотенцем. – Так значит, Берч…

– Ага.

– Рэйчел Берч.

– Звучит? – усмехается она и наблюдает за мной.

– И внешность, и имя – подходящие для порноактрисы.

– Хам. – Сиявшая до этого улыбка смыкается в узкую полосу.

– Почему хам? – теперь усмехаюсь уже я. – Чем тебе не комплимент?

– Я не работаю в порноиндустрии. У меня свой салон красоты.

– Не задумывалась о смене профессии? С твоими навыками тебе не было бы равных.

– Почему ты всегда так груб со мной, Эзра?

– Ты просто не умеешь принимать комплименты, Берч, – я специально разделяю каждую букву ее фамилии и запиваю ее глотком уже остывшего кофе. – Мерзость.

– Ты мог бы хоть иногда быть нежнее? Я же все-таки девушка, – бормочет она мне в спину, когда я миную ее на выходе из ванной.

– А я был уверен, что тебе как раз-таки нравится погрубее. Разве нет? – Я встряхиваю свою куртку и просовываю руки в рукава. – Несколько минут назад ты подтверждала мои слова на диване. А пару дней назад – на парковке в моей тачке. А если вспомнишь прошлую неделю…

– Я не об этом. Я о твоем отношении ко мне. Мы вместе полгода, а ты…

– Вместе? – Из моего горла вырывается громкий смех. – У меня алкогольные галлюцинации и пора бы уже завязывать с виски, или ты сошла с ума?

– В каком смысле?

– Твою мать, Берч, ты серьезно? Какое, к черту, «вместе»? Мы вместе разве что трахаемся, потому что по отдельности это бы выходило не так классно.

– Но… Я…

– Проспись, детка. – Я касаюсь большим пальцем ее подбородка и провожу по нижней пухлой губе раньше, чем она успевает вставить хоть слово. – И прекрати нести чушь – твой умелый ротик создан не для этого. – Рэйчел улыбается. Наверняка она приняла мои слова за похвалу. – Мы ведь взрослые люди и получаем вместе кайф, который ты не будешь ломать своими разговорами, верно?

– Хорошо, Эзра.

– Вот и славно. Я позвоню. – Сбрасываю руку с ее лица, переступаю порог квартиры и, не оборачиваясь, хлопаю входной дверью.

После отвратительно сваренного кофе и не менее отвратительной пародии на разговор «о нас» я трезвею и наконец-то сваливаю. Покупаю в ближайшем Starbucks латте и еду домой.

* * *

– Уже восемь утра, Эзра. – Попытки пробраться незамеченным не увенчались успехом.

Как только я провернул ключ, этот мелкий засранец поймал меня с поличным.

– Охренеть. Уже восемь. – Я сбрасываю ботинки, избегая испепеляющего взгляда карих глаз. Это он точно унаследовал от мужской составляющей нашей семьи.

– Я приготовил завтрак.

– Я не завтракаю, ты же знаешь, – треплю его по голове, разлохмачивая темные волосы, и прохожу дальше по коридору. – И вообще, почему ты не спишь? Сегодня ведь выходной. В школу не нужно. Чего ты поднялся?

– Это называется режим, Эзра. Тебе не понять. – Как обычно, невозмутимое выражение лица десятилетнего мальчика опускает меня, тридцатилетнего мужика, на дно. – И у меня через три часа тренировка, помнишь?

– Ключи от «Шевроле» в кармане. – Я указываю на сваленную на тумбу куртку. – Сам справишься? Только смотри, аккуратно: малышка «Камаро» старше тебя раз в пять.

– Очень остроумно, Эзра. Эта шутка перестала быть смешной еще в прошлом месяце.

– Просто у тебя нет чувства юмора. – Я прохожу мимо просторной гостиной прямиком к лестнице, ведущей на второй этаж к моей спальне. – Разбуди меня через два часа. Нельзя ведь пропускать твое карате.

– Джиу-джитсу.

– Один хрен для субботнего утра. И кто только придумал ставить эти тренировки на такое время.

– Никто не виноват, что ты таскаешься где-то до рассвета.

– Я слышу нотки осуждения в твоем голосе, маленький боец. – Я замедляю шаг, останавливаюсь на середине лестницы и, прищурившись, гляжу на мелкую копию недовольного десятилетнего себя. В такие моменты он точно вылитый суровый я ровно двадцать лет назад.

– Где ты был? Опять с той Рэйчел?

– Да. – Я упираюсь локтем в перила и провожу свободной рукой по мокрым от дождя волосам, пытаясь зачесать их кверху, но тщетно – мокрая челка снова липнет ко лбу.

– Но ты ведь не любишь ее. Зачем проводить с ней столько времени?

– Выключай режим зануды, Бостон, и не докапывайся. Откуда только эти вопросы берутся в твоей голове?

– Они там созревают, потому что у меня есть мозг.

– В этом уж точно никто не сомневается. Дашь мне поспать?

– Ладно.

– Два часа.

– Помню.

– И не смей прикасаться к ключам от «Шевроле». – Я тычу в него пальцем, натягивая на лицо наигранную серьезность.

– Как раз обдумаю это в течение двух часов.

Бостон поправляет свою строгую черную рубашку, которую носит постоянно, потому что ему так нравится, и скрывается в стенах гостиной.

Этот Бостон, названный в честь города, в котором раньше должны были сбываться мечты, тоже очень на него похож. Так же холоден. Так же черств. Так же безэмоционален. Только тому Бостону – более трехсот девяноста лет[2], а этому – всего десять, но, кажется, что он уже обледенел, как и я сам.

[2] В данном контексте под Бостоном подразумевается столица и крупнейший город штата Массачусетс в США, был основан в 1630 году.

Глава 3. Здравствуй, Сатана

Серена

Казалось, что я валюсь с ног от усталости, а по факту не могу сомкнуть глаз уже который час. Лежу и пялюсь в пожелтевший потолок, пересчитывая на нем трещины. Дому давно не помешал бы капитальный ремонт, но кому какое дело до богом забытого квартала в Норт-Энд[3].

Я, конечно, могла бы подыскать себе что-нибудь получше и поближе к центру, но, боюсь, пришлось бы к двум подработкам добавить и третью. Если не четвертую.

Поэтому лежу, рассматриваю трещину за трещиной и успокаиваю себя тем, что район хотя бы напоминает Италию своей архитектурой и узкими улочками. А до моего захудалого квартала даже иногда доносится запах свежей выпечки и ароматной пасты из рассыпанных по Норт-Энд итальянских ресторанчиков, которые так полюбились туристам. Наверное, так пахло и в настоящей Италии. Жаль, что я совсем этого не помню.

Еще неподалеку от дома расположился порт. В отличие от большинства местных, этот пункт я тоже отношу к плюсам. Порт успокаивает меня. И сегодня вечером я точно загляну в свое тайное место, чтобы привести мысли в порядок. Ведь каша в голове до сих пор не позволяет уснуть.

– Гребаный день рождения. Гребаная Астрид. Гребаный «ковбойский» бар. Гребаный мудак Эзра, или как там его, – шиплю я в потолок и сжимаю в руках одеяло. – Чтоб он захлебнулся в реках виски. Идиот. Хам. Заносчивый придурок. Ни за что в жизни не вернусь в этот бар.

Злость сильна. Она проедает нутро и рвется наружу, но не перекрывает страх, который пустил молодые корни в душе и начал разрастаться по организму, оплетая орган за органом.

[3] Норт-Энд (North End) – самый старый район Бостона, который располагается с южной стороны бостонской бухты. Местные жители называют район «Маленькая Италия». Этот уникальный уголок города является музеем под открытым небом и манит туристов своими многочисленными историческими достопримечательностями, ресторанами, кофейнями и небольшими пекарнями.

Страх, который терзал меня все детство. Страх, который душит и по сей день. Страх, который не уходит с наступлением утра. Который имеет кровь и плоть. Который носит такую же фамилию, что и я. Страх по имени Бриан Аленкастри – когда-то любимый старший брат, ставший моим ночным кошмаром, от которого я до сих пор бегу, не оборачиваясь.

Он и его идиотское сообщение под утро – причина очередной бессонницы. Не злость на татуированного алкоголика из бара, хоть он и сыграл в раздражении не последнюю роль. Всему виной сообщение в два предложения с крохотной подписью «Бриан», несущей в себе совсем не крохотную тревогу.

Первая реакция – удалить сообщение, а потом бежать. Бежать в другую страну, на другой континент, на необитаемый остров. Самолетами, кораблями, попутками. Снова сменить номер, а потом бежать без оглядки. Но потом я успокаиваюсь, делаю вдох, считаю до десяти и заново уверяю себя, что в этот раз спряталась надежно. Что больше он меня никогда не найдет. Что больше он и не хочет меня искать, ведь у него появилась своя семья, новая работа, другие хлопоты.

– Ему больше нет дела до тебя, Серена. Все в прошлом. Дыши глубже, – повторяю я как молитву, но на всякий случай тянусь за телефоном, снимаю блокировку разбитого экрана и проверяю, точно ли удалила сообщение Бриана. Как будто если оно все еще там, то служит маячком, и он тотчас же отыщет меня.

Сообщение, в отличие от воспоминаний, стерто.

Я выдыхаю и кладу телефон обратно на прикроватную тумбу, но он звонит раньше, чем я успеваю отдернуть от него руку.

– Этого не может быть… – Будильник извещает, что уже одиннадцать утра, и я зарываюсь лицом в подушку. – Этого просто не может быть… Не-е-ет… Ну за что мне все это?

Я ною, но заставляю себя встать – нельзя пренебрегать подработкой, когда сама же психанула и уволилась с основного места работы и даже не потребовала выплату за прошлый месяц.

Да, я дура. Да, идиотка. Но зато гордая. Хотя кому я лгу.

Снова повелась на эмоции. Отдала приоритет чести, а не здравому смыслу, и даже чаевые из бара не забрала. Поэтому опять плетусь в душ с надеждой хоть немного взбодриться перед уроком игры на гитаре для группы детей до пятнадцати лет.

Душ не бодрит. Впрочем, как и растворимый кофе без сахара. Я продолжаю зевать и натягиваю на влажное тело серые джинсы, затем однотонный белый свитер, прикрывающий бедра.

Когда голова просовывается в горловину, в мозгу что-то щелкает, и я наконец вспоминаю, что оставила вчера машину возле ресторана, из которого уносила ноги быстрее, чем справились бы колеса старенькой подержанной «Тойоты». А это значит, что до «Частного центра развития ребенка» придется добираться на автобусе.

– Просто прекрасно, Серена. Ты просто молодец. Умница, девочка. Таких идиоток, как ты, еще поискать нужно.

Сборы сокращаются до пяти минут. Не до конца высушенные волосы сворачиваю в объемный пучок на макушке, «забиваю» на макияж, хватаю чехол с гитарой, ключи, шубу и наспех застегиваю ее, уже сбегая через ступеньку вниз по лестнице.

Ливень не стих до сих пор, а я, конечно же, совсем забыла про зонт. В этом вся я – несменная мисс Неудачница на протяжении каждого года существования со дня своего рождения. Америка никогда не будет гордиться мной.

Опаздываю на автобус. Кто бы сомневался. А следующий придет только через двадцать минут, что автоматически продлевает мое опоздание еще как минимум на десять. Опять. Меня точно скоро погонят оттуда палками. Потом закончатся деньги. Придется съехать со своей крохотной квартиры. Переселиться в порт, например. А лучше – сразу к бездомным портовым

пьянчугам, к бочке с вечно угасающим огнем и к крысам. Там мне самое место. Но всяко лучше, чем возвращение домой к матери и призраку старшего брата.

Добираюсь до центра с опозданием в полчаса. Всему виной пробки из-за проклятущего дождя. Несусь прямиком в аудиторию, оставляя за собой на полу шлейф из капель от промокшего чехла. Надеюсь, гитара не пострадала.

– Не так быстро, мисс Аленкастри.

Только не это.

– Мистер Джонсон, добрый день, – стараюсь дышать ровно, чтобы старикан не подумал, что я заявилась сюда минуту назад. Но потом понимаю, насколько глупо выглядят мои попытки не спалиться, когда я стою перед ним в мокрой шубе и с гитарой в руке.

– Добрый, но не для вас, Серена. – Он оглядывает меня с ног до головы сквозь толстые стекла круглых очков. – Вижу, вы снова опоздали.

– Ради бога, простите. У меня была ночная смена. Я не сомкнула глаз. Потом еще этот автобус. И погода… – я тараторю без умолку, размахивая свободной рукой. – Вы же видите, какой на улице ливень. А моя машина осталась возле…

– Мне неинтересно, мисс Аленкастри, – отрезает он, распрямляя сухую, морщинистую ладонь перед моим лицом. – Я уже устал от ваших объяснений и систематических опозданий. Каждую субботу дети ждут своего… – он демонстративно замолкает и прищуривается, – наставника, – слово как будто вытолкнули силой изо рта. – Вы считаете это нормальным?

– Но я ведь всегда провожу занятия сверх нормы по времени. Детям нравится. Это ли не главное?

– Главное то, что вы нарушаете расписание.

– По-моему, вы как-то неверно расставляете приоритеты.

– А по-моему, вы слишком много на себя берете, мисс Аленкастри. – Я снова открываю рот, чтобы возразить, но старик Джонсон успевает перебить меня. – Я вынужден вас уволить.

– Но… Мистер Джонсон! – Гитара вываливается из рук и издает на этот раз не самый приятный звук, когда с грохотом приземляется на пол. – Вы не можете…

– Я как раз-таки могу. – На его лице не дергается ни один мускул.

– А как же дети? Как же моя группа? Я ведь не закончила курс.

– Незаменимых людей нет, мисс Аленкастри. На смену вам придет еще десяток необразованных девиц, желающих подзаработать на своем хобби. И чем раньше вы осознаете эту истину, тем проще вам станет жить. Всего доброго. Вашу *бывшую* группу я уже распустил по домам. – Старческие губы расползаются в улыбке прежде, чем Джонсон минует обездвиженную меня. – И, кстати, – оборачивается он и бросает мне в затылок, – не увидел на детских лицах ни доли досады. Всего хорошего, мисс Аленкастри. И удачи в оттачивании навыков официанта. Видимо, музыка не ваше призвание.

– Гребаный заносчивый сухарь, – шиплю я сквозь зубы, когда за спиной затихает скрип половиц под тяжелыми шагами Джонсона.

Непрошеные слезы в который раз за сутки застилают глаза, и в который раз я тянусь и стряхиваю их. Хорошо, что не потратила на ресницы последнюю тушь.

Кажется, гитара в миг потяжелела, потому что тянуть ее обратно к выходу просто невыносимо.

Или это я ослабла?

Силы на убеждение себя, что все скоро наладится, покидают меня с каждым часом. Уже даже не днем. И давно уже не месяцем. Я сдаюсь и чувствую, как опускаются руки с каждой, мать ее, минутой. Скоро силы совсем исчезнут. А затем и сама Серена Аленкастри.

За что я борюсь? Зачем еще подпитываю угасающую надежду? Ты бесполезна, Аленкастри. Ты – никчемное, примитивное существо. Мама права. Ты никому не нужна. Никто даже не заметит, если ты исчезнешь.

Мысль рвется, как тонкая нить паутины, от громкого рева автомобиля слишком близко от меня. И вместо того, чтобы бежать вперед или отскочить назад, я врастаю ногами в асфальт и поворачиваюсь на оглушающий сигнал.

«Это и есть мой конец», – проносится в голове, и все, что я делаю – зажмуриваю глаза.

– Ты, мать твою, совсем рехнулась?! – орет кто-то в дюйме от моего лица.

– А я думала, что после смерти должна последовать тишина… – Я продолжаю, наверное, стоять, не открывая глаз.

– После какой, на хрен, смерти?! – Крепкие руки хватают меня за плечи и встряхивают.

– Моей.

Наконец решаюсь поднять веки и тут же встречаюсь со взглядом чернее выжженного до сажи поля, где уже ничто никогда не прорастет.

– И, кажется, я угодила в ад. Здравствуй, Сатана.

– С удовольствием приму участие в твоих эротических фантазиях, но сначала ответь: ты чокнутая на всю башню или тебя накрывает эпизодически?

– Это врожденное. – Я стряхиваю руки Эзры, которые до сих пор впивались в мои плечи. – Какого хрена ты тут делаешь?

– Это ты какого хрена вывалилась на дорогу перед моей машиной?! – Он дергает меня за руку, указывая пальцем на глянцевый капот черного «Шевроле», на котором могла распластаться вдоль и поперек моя маленькая тушка. – Наглая и смелая? Или максимально тупая? – продолжает кричать Эзра, склоняясь вплотную к моему лицу.

– Здесь вообще-то пешеходный переход, кретин! – Выдергиваю руку из его хватки. – И ты что-нибудь слышал о личном пространстве? Отодвинься от меня! От тебя разит перегаром.

Не разит. Пахнет лишь жвачкой со вкусом вишни и каким-то необычным парфюмом, но разве это повод «опускать щит»?

– Да пожалуйста! – Эзра буквально отскакивает к тачке и рывком открывает дверцу. – Катись, куда бы ты там ни катилась до этого. Идиотка.

На последнем слове он хлопает дверцей и заводит «Шевроле», а я стою не двигаясь и пытаюсь поверить в то, что чудом осталась цела.

– Ты свалишь с дороги или так и будешь изображать статую панды? – орет Эзра из приоткрытого окна.

Возможно, временное помутнение или желание еще больше разозлить этого самоуверенного хама толкает меня к пассажирскому сиденью его тачки и заставляет руку дернуть дверь на себя.

– Какого хрена?! Я же вроде бы тебя не задел. Так с чего вдруг твой крошечный мозг привел тебя сюда?! – рычит Эзра напротив меня, и я замечаю, как стремительно сгущается темнота в его глазах. – Вышла вон!

– Все сказал? – Я безразлично разглядываю его искаженное злобой лицо и забрасываю гитару назад. – Так вот. Как ты успел заметить, ты *вроде бы* не задел меня. Значит, я *вроде бы* в порядке. Вроде бы. Визуально. И если ты не хочешь, чтобы я вызвала сюда врачей, копов, дорожную полицию, то отвезешь меня домой. Еще попрошу побольше радости на твоем лице. Можешь трогаться.

– Хрена с два. Выметайся из моей тачки, симулянтка. Твои манипуляции со мной не прокатят.

– Ой… Кажется, помутнело перед глазами. – Я откидываюсь на спинку кресла и драматично прикрываю глаза, прикладывая ко лбу тыльную сторону ладони.

– Это зашевелился мозг. Прекращай, Панда. Не трать мое время.

– Ты сам тратишь свое время. Могли бы уже ехать. – Кошусь на разъяренного Эзру, под щетиной которого отчетливо играют желваки, а на татуированной шее проступают вены. –

Давай, подумай еще. Я никуда не спешу. Меня отовсюду уволили, так что у меня у-у-уйма свободного времени. Могу сидеть здесь с тобой до посинения.

– Отвезу тебя все-таки в больницу. Кажется, от наглости у тебя треснула черепная коробка.

Эзра жмет педаль газа, а внутреннее ликование от выигрыша в этом условном споре едва не выливается на лицо улыбкой, которую я вовремя сдерживаю, позволив дернуться лишь уголкам губ.

Мы трогаемся слишком резко, и мои руки моментально тянутся к ремню безопасности.

– А пару минут назад помирать собиралась, – усмехается Эзра, бросая на меня косой взгляд.

– Не по своей воле, хочу заметить. – Я пристегиваюсь и удобнее устраиваюсь в кресле.

– Ты сама выскочила из-за угла.

– А ты гнал сверх положенного ограничения по территории, где могут быть скопления детей, – я дергаюсь в его сторону, чтобы сделать вдох и все-таки унюхать перегар. Но вместо этого в нос ударяет приятный запах парфюма и ментолового шампуня. – В не совсем трезвом состоянии. – Я перебарываю себя, чтобы оторваться и перестать уже заметно обнюхивать его. Но любопытство берет верх. – Что это вообще за запах? Специально вылил на себя флакон туалетной воды, чтобы затушевать амбре от веселой ночи?

– Какая тебе разница?

– Для такого мерзавца и алкоголика ты слишком классно пахнешь.

– А у тебя слишком развязный язык для такой милой мордашки.

– Все-таки считаешь меня милой? – В этот раз вовремя скрыть улыбку не получается. Она мгновенно цепляется к лицу и сменяется хитрым взглядом.

– Не льсти себе, Панда. Не милее всех остальных выпускниц старшей школы.

– Все еще заглядываешься на школьниц? Ужас какой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.